

Ченцова В. Г.
Икона Иверской Богоматери*

Взаимоотношения России и православного Востока, поддержка русскими балканских и ближневосточных единоверцев в эпоху Московского царства уже давно привлекают внимание ученых. Более 100 лет назад вышло фундаментальное исследование Н. Ф. Каптерева «Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством», основанное на изучении архивных документов XVI–XIX вв. С тех пор исследователи продолжали разрабатывать эту проблематику, расширяя круг источников и совершенствуя методику работы с архивными текстами. Одна из последних по времени публикаций, посвященных данной теме,— монография В. Г. Ченцовой «Икона Иверской Богоматери: (Очерки истории отношений Греческой Церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА)», представляет собой новую ступень в изучении корпуса греческих грамот, связанных с историей русско-восточных контактов XVII в.

В этой работе В. Г. Ченцова, известный специалист по новогреческой палеографии и русско-греческим связям, предприняла попытку отойти от традиционных методов работы с рукописями, сводившихся к изучению собственно содержания текстов: «Тексты греческих грамот... сами по себе дают весьма немного “информации”: они не позволяют восстановить реальные факты и логику событий, сделать те наблюдения, которые удалось получить на основе не *содержания* документов, а по другим их характеристикам, которые обычно относили к “*вспомогательным*”» (С. 291–292). Речь идет о палеографических особенностях грамот, подписях, печатях, водяных знаках, а также о персоналиях гонцов, доставивших эти послания в Россию. Изучение этих вопросов позволило выделить серии документов, так или иначе связанных друг с другом,— по почерку писца, месту написания, времени и обстоятельствам появления их в Москве, что в свою очередь выводило на любопытные

* Ченцова В. Г. Икона Иверской Богоматери: (Очерки истории отношений Греческой Церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М.: Индрик, 2010. 416 с.

наблюдения о реальных (а не официально указанных) авторах посланий, о времени и месте их составления, а также об отношениях между отправителями грамот, их адресатами и письмоносцами в контексте международной политики того времени.

Композиционным стержнем книги стала история заказа, изготовления и доставки в Москву в 1648 г. списка с чудотворной иконы Богоматери из афонского Иверского монастыря. Другая копия этой иконы, привезенная в 1652 г., сопровождала царское войско в победоносном походе на Смоленск в 1654 г. и впоследствии была помещена в новопостроенном Валдайском Иверском монастыре. Почитание Иверской иконы Божией Матери, в котором переплелись русские, греческие и грузинские мотивы, стало символическим отражением геополитических устремлений правительства царя Алексея Михайловича в середине XVII в. (С. 9–16, 225–280).

Документы, связанные с привозом в Москву Иверской иконы, давно изучены и опубликованы, однако никто из исследователей ранее не задавался вопросами, которые поставила Ченцова: почему грамоты монахов-ивиритов к царю и к архимандриту Никону (будущему Патриарху), попавшие в Москву в 1648 г. вместе с иконой Богоматери, написаны разными почерками и на разной бумаге? Почему стоящие на них печати Иверского монастыря и Афонского протата отличаются от других их печатей того же времени, известных по другим документам? (С. 16) Автор установила, что грамота ивиритов к царю Алексею Михайловичу составлена иеромонахом Антонием, известным переписчиком книг, который написал еще нескольких грамот от афонских монастырей, хранящихся в РГАДА. В то же время вызывает сомнение, что Антоний работал именно на Афоне. Анализ печатей, приложенных к грамотам Антония, указывает на неафонское их происхождение — они представляют собой имитации подлинных печатей афонских монастырей или печати иверских метохов в Молдавии. На некоторых якобы афонских грамотах за игуменов разных монастырей расписывался один и тот же человек, предположительно сам писец. Суммируя данные, Ченцова пришла к выводу, что многие «афонские» грамоты на самом деле создавались в метохах монастырей Святой горы, находившихся в Молдавии и Валахии (С. 17–49). Вообще значительная часть греческих грамот XVII в., хранящихся в РГАДА, происходит вовсе не из тех обителей и епархий, которые названы отправителями этих посланий, а, как оказывается, написана в греческих монастырях Молдавии. Это коренным образом меняет наши представления о характере русско-восточных связей эпохи Московского царства.

Не меньше странностей связано с обстоятельствами доставки грамот Антония в Россию. Так, например, один из самых колоритных греческих письмоносцев середины XVII в. архимандрит Филимон несколько раз появлялся в Москве под разными именами и от имени разных монастырей, а некоторые из привезенных им грамот с просьбами о милостыне представляли собой явную подделку, когда лист с текстом не очень аккуратно наклеивался поверх другого послания так, чтобы оставались видимы его подписи и печать. На первый взгляд удивительно, почему опытные сотрудники Посольского

приказа давали ход подобным подложным документам (как и другим неподлинным посланиям, например, хранящейся в РГАДА грамоте от имени Иерусалимского Патриарха Паисия с явно неаутентичной патриаршей подписью), на основании которых греческие посланцы получали милостыню для различных храмов и обителей. В то же время из архивной документации явствует, что Филимон выполнял важные поручения политического характера, всякий раз доставляя в Москву конфиденциальные сведения о текущих событиях в Восточной Европе и осуществляя связь с российскими политическими агентами в Молдавии. Грамоты греческих монастырей с просьбами о милостыне выполняли роль прикрытия для передвижений гонцов, а сама милостыня, которую получал Филимон и ему подобные писмоносцы, была платой за политические услуги. Подобная конспирация нужна была не только для того, чтобы обмануть бдительность польских властей, весьма подозрительно относившихся к проезду по своей территории в Москву греческих клириков. Не менее важным было желание некоторых группировок российской элиты, развивавших связи с «молдавскими» греками, сохранить свою активность в тайне от конкурирующих придворных групп, имевших иные внешнеполитические приоритеты (С. 54–73).

Значительную часть монографии Ченцовой занимает анализ русско-греческих политических интриг, которые просматриваются за вышеупомянутыми грамотами и посольствами. Если палеографические изыскания автора по-настоящему сможет оценить лишь небольшое число специалистов, то реконструкция геополитических процессов в Восточной Европе середины XVII в., несомненно, заинтересует куда больший круг читателей. Духовенство православного Востока было разделено на несколько соперничавших церковно-политических группировок. Установить их состав и интересы получается далеко не всегда, что неоднократно признает автор книги. Группировки эти неустойчивы, их члены переходят из одной в другую, меняют политическую ориентацию, мотивы их поступков туманны, поведение противоречиво. Хотя Ченцова уходит от общих схем и подчеркивает слабую изученность греческих семейно-клановых и земляческих структур, можно попытаться, опираясь на разбросанные по страницам книги указания, хотя бы в первом приближении выстроить схему взаимодействия этих церковно-политических групп.

В Османской империи христиане могли реализовать свои социальные амбиции почти исключительно на поприще церковной карьеры, поэтому многие греческие иерархи проявляли живейший интерес к политическим вопросам. В первую очередь привлекают к себе внимание такие церковные лидеры 1-й трети XVII в., как Кирилл Лукарис († 1638 г.) и Иерусалимский Патриарх Феофан (1608–1644 гг.). Они были лояльны к османской власти, враждебно настроены по отношению к католическому миру и (это относится, по крайней мере, к Кириллу Лукарису) симпатизировали протестантам, в силу чего лоббировали идею союза России с османами и Швецией против Польско-Литовского государства. Сходство политических программ не мешало этим церковным деятелям враждовать друг с другом по личным или каким-то

другим причинам (С. 109–113). Группам греческого духовенства, ориентировавшимся на Кирилла Лукариса или Феофана, противостояли представители других кланов, которых Ченцова называет «греко-венецианцами». Одним из них был, например, Афанасий Пателар († 1653 г.), дважды в течение не продолжительного времени занимавший Константинопольскую кафедру. Для этих группировок был характерен прозападный настрой и негативное отношение к Османской державе. Исследовательница склонна отчасти объяснять такую позицию происхождением этих людей с Корфу, Хиоса или Крита, островов, долгое время находившихся под властью Венеции и испытавших сильное культурное влияние Запада (С. 78–79, 85–86, 117, 122). Однако это объяснение не кажется убедительным, потому что такие рьяные антикатолики, как Кирилл Лукарис или Иерусалимский Патриарх Нектарий (1661–1669 гг.), были критянами.

После казни османами Кирилла Лукариса и вступления на Патриарший престол филокатолика Кирилла Контариса группировка Лукариса распалась, многие его люди бежали из Стамбула и долгое время скрывались. По неясным причинам Афанасий Пателар также оставил кафедру в Салониках и бежал на Хиос (С. 111, 122). Вслед за падением Контариса (1639 г.) в Константинополе сложился новый центр силы, который можно условно назвать «наследники Лукариса». Это Патриархи Парфений I (1639–1644 гг.) и Парфений II (1644–1651 гг., с перерывами), которые были лояльны Высокой Порте и враждебны к западному миру. Одновременно в Яссах под патронажем амбициозного молдавского господаря Василия Лупу (1634–1653 гг.) сформировался альтернативный центр влияния во главе с «греко-венецианцами» Афанасием Пателаром и митрополитом Навпакта и Арты Гавриилом Власием. Василий Лупу оказывал щедрую материальную помощь православным церквям османского мира, в том числе Иерусалимскому Патриарху Феофану и его преемнику Паисию, которые многие годы провели в молдавских монастырях, принадлежавших Иерусалимской Церкви. Одновременно честолюбивый господарь стремился контролировать православных иерархов и активно вмешивался в церковные дела. Он интриговал против Парфения II и пытался поставить на Константинопольский Патриарший престол своего протеже Афанасия Пателара (С. 84, 111, 124, 125, 132). Впрочем, очень многое в этих схемах остается не до конца понятным. Как, например, совместить противоположные политические позиции ясских «греко-венецианцев» и Феофана Иерусалимского, в равной мере пользовавшихся благодеяниями молдавского господаря?

В 1645 г. началась Кандийская война — столкновение Османской империи с Венецией и поддерживавшими ее европейскими державами за Крит, родину многих «греко-венецианцев». Война резко поляризовала политические позиции греческих иерархов. «Ясская» группировка плела антиосманские интриги, поддерживая проекты альянса господаря Василия с Речью Посполитой, которая рассматривалась как ударная сила в противостоянии христианского мира с османами. Планировалось привлечь к этому антитурецкому (и одновременно антишведскому) союзу и Россию, в связи с чем

в Москве обсуждался проект брака дочери царя Михаила Федоровича и сына датского короля, традиционного противника Швеции. Константинопольский Патриарх Парфений II со своей стороны пытался расстроить этот династический союз, указывая на необходимость вторичного крещения протестантов, что было неприемлемо для датской стороны (С. 130–132, 136, 138, 191).

Незадолго до начала этих событий скончался Иерусалимский Патриарх Феофан. Его группировка распалась из-за разногласий по отношению к анти-турецким политическим проектам (С. 133). Новый Патриарх Паисий (1645–1660 гг.), племянник Феофана, был ставленником Василия Лупу. Однако в первые годы патриаршества Паисий не обозначил четко своих политических предпочтений.

Какое-то время антиосмански настроенная часть греческого духовенства была готова ориентироваться на польского короля Владислава IV, которого рассматривали как грядущего освободителя балканских христиан от агарянского рабства. Однако план выступления Речи Посполитой против Турции был провален на сейме 1646 г. польскими магнатами. Единственным союзником короля Владислава оказалось запорожское казачество, также готовое воевать с османами. Именно этим В. Г. Ченцова объясняет симпатии «ясских» греков к Богдану Хмельницкому (С. 195–198, 203, 205, 215). Однако, как представляется, с началом восстания 1648 г. на Украине казаки перестали быть потенциально антитурецкой силой, а мечты о вступлении Речи Посполитой в войну против Порты пришлось оставить. То, что происходило в Восточной Европе в конце 1640-х гг., было борьбой совсем других цивилизаций — православной и католической — не затрагивающей османо-венецианский спор за Крит. Поддержка восставшей Украины греческим миром объясняется полной сменой приоритетов у всех церковных группировок в новых политических условиях. Теперь греческие иерархи подталкивали Россию к принятию в подданство Войска Запорожского и дальнейшей экспансии на юго-западном направлении с перспективой выхода к османским границам. В то же время внутреннее соперничество в греческой среде сохранялось. Часть «ясских» греков, как Гавриил Власий, оказались в окружении Паисия Иерусалимского, главного лоббиста перехода Войска Запорожского в подданство русскому царю. Афансий Пателар в значительной мере сохранил самостоятельную позицию, но точно так же побуждал Россию к активности в причерноморском регионе и освобождению Константинополя от неверных. Соперник Паисия Константинопольский Патриарх Парфений II поддерживал не менее тесные и дружественные связи с Богданом Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем (С. 206–207, 232–239).

Наряду с интересами греческих церковных структур Ченцова анализирует и позицию московской правящей элиты (С. 190–224). Эта задача не менее сложна. Русская внешняя политика 30–50-х гг. XVII в. полна необъяснимых зигзагов и временами представляется непродуманной и слабо мотивированной. Соперничество придворных группировок вело к колебаниям внешнеполитического курса. Часть правящих кругов была настроена резко антипольски (антикатолически) и проявляла готовность к сотрудничеству

с османами и шведами. Сторонниками такой линии были Патриарх Филарет, позже боярин Б. И. Морозов, князь Г. В. Львов, дьяк Н. Чистой. Похоже, эти же круги двигали к вершинам власти Никона (С. 110, 190–194, 210). Вероятно, им противостояла группировка, предпочитавшая альянс с Польско-Литовским государством против османов, впрочем, назвать тут какие-то имена сложнее. Характерно, что московские власти долго колебались, прежде чем решиться на принятие в подданство Войска Запорожского и обречь себя на войну с Речью Посполитой.

Победоносное наступление русских войск на Польшу в 1654–1655 гг. и планы дальнейшего собирания православных земель под скипетром московского самодержца делали как никогда актуальным вопрос церковной реформы, унификации русских обрядов по греческим образцам. Ченцова пишет, что не только Иерусалимский Патриарх Паисий склонял русские власти к этому шагу; свой вариант реформы предлагал и Парфений II Константинопольский, давний враг Паисия. К сожалению, в монографии не показано, в чем конкретно заключалась разница между их программами. Однако очевидно, что 2 греческих патриарха вели борьбу за влияние при московском дворе. Именно с этими интригами связано обвинение в неправославии и ссылка Арсения Грека, книжного справщика, оставленного в Москве Паисием в 1649 г. Те московские государственные деятели, которые отправили на Восток старца Троице-Сергиева монастыря Арсения (Суханова), похоже, также не одобряли проект церковной реформы в версии Паисия — вспомним ожесточенные прения о вере Арсения с греками в Яссах. Недаром Паисий прилагал все усилия, чтобы не допустить встречи Арсения со своим конкурентом Парфением II. Иерусалимский Патриарх добился своего: Парфений был низложен и убит, как подозревали, из-за интриг молдавского и валашского господарей в мае 1651 г., за несколько дней до приезда в Константинополь Арсения (Суханова) (С. 83). После этого Паисий остался главным проводником греческого влияния в России, а в Москве возобладала линия сторонников церковной реформы (С. 211–215, 248).

Свержение Василия Лупу в 1653 г. побудило ориентировавшихся на него греческих иерархов к поиску покровительства со стороны московского царя, который мог выступить лидером антиосманской коалиции. Успешное продвижение Московского царства к границам Османской державы подвигло Паисия на новый геополитический проект — переход под русский протекторат Молдавии. Соответствующая переписка с российским двором Паисия и Антиохийского Патриарха Макария увенчалась прибытием в Москву летом 1656 г. молдавского посольства, заключившего соглашение о принятии Молдавии «под высокую государеву руку»¹ (С. 253–258). Однако тогда же, в 1656 г., произошла резкая переориентация русской внешней политики. Москва заключила перемирие с Речью Посполитой и начала войну со Швецией, что перечеркнуло все планы греческого духовенства, в том числе на установление русского протектората над Молдавией. Война со Швецией стала самой крупной геополитической ошибкой России в XVII в. Темп наступления на польском направлении был потерян, русские позиции на Украине оказались

под серьезной угрозой, а о планах освобождения балканских христиан пришлось забыть (С. 259–261).

Монография В. Г. Ченцовой доведена именно до этого временного рубежа. Можно пожелать автору дальнейших открытий на поприще греческой палеографии и русско-восточных связей. Причем хотелось бы, чтобы палеография в этих исследованиях и дальше выступала бы не самоцелью, а средством к пониманию подлинной природы тех сил, которые двигали ход истории Восточной Европы и Леванта в XVII в., способом раскрытия мотивов, которыми руководствовались участники политических интриг — будь то греческие клирики, московские бояре и дьяки или польские, молдо-валашские и османские государственные мужи. Пока у нас еще слишком много вопросов без ответов, догадок и предположений без убедительных доказательств. Тем не менее книга об Иверской иконе позволяет нам лучше понять, что русско-греческие связи эпохи Московского царства не сводились к филантропической милостыне с одной стороны и доставке св. мощей или культурно-просветительским усилиям с другой. А еще она подталкивает к мысли о том, что нам нужен новый фундаментальный труд об истории русско-восточных связей, который учитывал бы наработки отечественных специалистов за прошедшие после Н. Ф. Каптерева годы, в частности такие исследования, как монография В. Г. Ченцовой «Икона Иверской Богоматери».

*К. А. Панченко, кандидат исторических наук
(Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова)*

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. другие публикации Ченцовой, посвященные данной проблематике: *Ченцова В. Г.* Источники фонда «Сношения России с Грецией» Российского государственного архива древних актов по истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе в 50-х гг. XVII в. // *Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века.* М., 2000. С. 151–179; *она же.* Митра Паисия Иерусалимского — не присланный русскому государю венец «царя Константина» // *Патриарх Никон и его время.* М., 2004. С. 11–39.